

Фюрер и дуче

Что общего и в чем различия между нацизмом и итальянским фашизмом, Гитлером и Муссолини? Об этом в интервью журналу «Историк» рассуждает и. о. декана исторического факультета МГУ, доктор исторических наук, профессор, академик РАО **Лев БЕЛОУСОВ**

Беседовал Владимир РУДАКОВ

«фашистами», «немецко-фашистскими захватчиками». Насколько это точное название? Чем фашизм отличается от нацизма? И насколько принципиальна разница?

– Эта традиция появилась еще до Великой Отечественной войны – называть гитлеровцев «фашистами». На самом деле между фашизмом и нацизмом есть существенная разница. И Бенито Муссолини, дуче фашизма, очень ревностно относился к этим нюансам. В межвоенный период даже был создан своего рода «фашистский интернационал», и в его рамках шла борьба между нацистами и итальянскими фашистами за доминирование...

– О каких нюансах идет речь?

– Прежде всего у Муссолини вы вплоть до второй половины 1930-х годов не найдете антисемитизма или расизма. Наиболее показательны в этом отношении его беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом, опубликованные в 1932 году. Например, в ответ на вопрос Людвига об отношении к евреям дуче сказал: «Евреи? А что евреи? Это хорошие граждане Италии, достойные, которые вносят свой вклад в общее дело. У меня к евреям никакого специального отношения нет». И это было действительно так, пока он не связал себя намертво с гитлеризмом, то есть с нацизмом.

Нацизм – это бурлящий котел «идей», которые были в голове

у Адольфа Гитлера. Это и расизм, и антисемитизм, и пангерманский национализм, и социал-дарвинизм, и фашизм, который, как полагал фюрер Третьего рейха, дает возможность реализовать программные цели через прямое действие. Впрочем, в одном из писем перед вторжением в СССР Гитлер заверил дуче: «Я помню, что без черной рубашки никогда не было бы коричневой». Иными словами, он признавал приоритет Муссолини как прародителя движения. Однако, с точки зрения фюрера, нацизм в силу особенностей немецкого менталитета, в силу специфики геополитического положения Германии, в силу целого ряда культурологических, исторических и прочих причин пошел дальше. В реальности между фашизмом и нацизмом была существенная идеологическая разница, которая в дальнейшем трансформировалась в практические злодеяния.

– В Италии не было преследования еврейских семей в отличие от Германии?

– Не было – вплоть до 1938 года, когда появился «Расовый манифест». Но даже он не предполагал создания концлагерей и уничтожения еврейской нации. Евреям запрещалось занимать командные должности в армии, преподавать в школах и высших учебных заведениях, для еврейских детей создавались отдельные классы, вводился ряд

Сейчас об этом не очень принято говорить из соображений политкорректности, однако факт остается фактом: в предвоенной Европе фашистская идеология вполне укладывалась в общепризнанные на тот момент правила политического поведения. Радикальный национализм, приправленный элементами социального популизма, в этот период стал весьма популярен в самых разных уголках Старого Света – от Пиренеев до Прибалтики, от Скандинавии до Апеннинского полуострова. Фашистские идеи находили поддержку у значительного числа европейских политиков и обывателей; в ряде стран – не только в Германии и Италии – у власти находились режимы, исповедовавшие фашистскую идеологию или открыто ей симпатизировавшие. И все-таки германская разновидность фашизма – нацизм – выделялась даже на этом мрачном фоне...

Фашизм или нацизм?

– В Советском Союзе гитлеровцев традиционно именовали

«Поход на Рим». Бенито Муссолини (впереди первый слева) среди чернорубашечников. Октябрь 1922 года

других ограничений. Конечно, евреи очень сильно ущемлялись в правах, но не более того. В Италии расовые законы были приняты под давлением Гитлера уже после того, как Муссолини годом ранее сделал свой выбор

в лагеря, уничтожить. Но речь идет уже о политике, которую осуществляли оккупационные войска. Это делали в основном немцы, хотя привлекались и итальянские карательные части...

– ...чтобы освободить «жизненное пространство» для «высшей расы»?

– Правильно, но это уже следующая идея нацистов, как бы вытекавшая из предыдущей. Все-таки она вторична: вот подумайте, какое пространство освобождалось, когда уничтожали цыган? Никакого пространства за ними не было, никакого прагматического расчета за этими зверствами не стояло, цыган просто считали неполноценной расой и поэтому уничтожали. Так что, конечно, это человеконенавистническая идеология.

У Муссолини было по-другому: он говорил о том, что Италия якобы несет прогресс народам, что у нее якобы цивилизаторская миссия. Под этим лозунгом Италия завоевывала Эфиопию, Ливию и т. д. Итальянские фашисты не собирались уничтожать коренные народы, что, впрочем, никоим образом не оправдывает их агрессивную, захватническую политику.

– У них была идея воссоздать некий *Pax Romana*?

– Совершенно верно, фактически *Pax Romana* – «римский мир», как

И для итальянских фашистов, и для нацистов коммунизм был врагом номер один, с которым нужно воевать до полной победы

в пользу тесного союза с Германией. Тогда Берлин начал давить на Рим уже по полной. Однако, несмотря на это, итальянское общество расовые законы отторгло.

Давление не означало, что итальянский фашизм стал нацизмом. Реально итальянские евреи пострадали, когда Северную и Центральную Италию в 1943 году оккупировали немцы. После этого евреев стали по-настоящему преследовать, отправлять

– Как вы считаете, вот эта человеконенавистническая идеология изначально зашита в режимы фашистского толка?

– В нацистский – безусловно. Потому что ставилась задача физического уничтожения многомиллионной массы людей. И ведь не только евреев. Гитлеровцы выделяли так называемые «неполноценные расы» – это цыгане, поляки, белорусы, другие славяне... Они подлежали уничтожению...

во времена Древнего Рима. Итальянские фашисты многое заимствовали из этой эпохи, включая внешнюю атрибутику. Так что они изначально хотели геополитического реванша, жаждали воссоздать былую славу Рима, но при этом не ставили задачи уничтожения той или иной нации или расы. Гитлеровцы же такую задачу ставили изначально, с момента появления «Майн кампф».

Конкурирующие проекты

– В какой мере европейский фашизм стал ответом на победивший в России «советский проект»?

– Такая трактовка вопроса мне представляется правильной. Во-первых, фашизм в условиях революционного подъема рассматривал коммунизм как реального оппонента, поскольку массовая социальная база у них была примерно одна и та же (хотя коммунисты поначалу делали ставку лишь на рабочий класс, а потом уже на крестьянство, а фашисты пытались одновременно воздействовать эти слои населения, в том числе средние слои города и деревни). Во-вторых, носители фашистской идеологии видели в коммунистах реальных бойцов. Они понимали, что коммунисты, так же как и они сами, стремятся захватить власть, опираются на массы и при этом прямо противо-

Итальянские солдаты в Эфиопии. 1935 год

положны фашизму по идеологическим целям и задачам. То есть это были прямые враги. И в случае с Гитлером, и в случае с Муссолини – и у того и у другого – антикоммунистический лозунг был очень силен.

– Идеологическая противоположность – это плюс ко всему еще национализм против интернационализма.

– Вы правы. С одной стороны – сугубо ультранационалистическая идеология, которая ставит во главу угла интересы

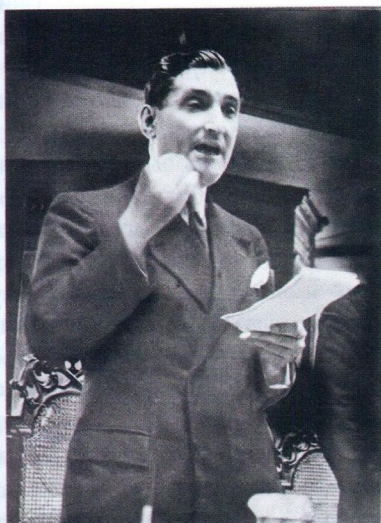
нации и старается микшировать какие-либо классовые различия и противоречия. А с другой – идеология пролетарского интернационализма, которая делает ставку на классовую борьбу.

– То есть это были два конкурирующих проекта?

– Два несовместимых друг с другом проекта. И для итальянских фашистов, и для нацистов коммунизм был врагом, с которым нужно воевать до полной победы.

Вообще это феномен XX века. Ведь что такое XX век? Это век масс. Впервые массы стали реальным субъектом истории, за который развернулась борьба. Во-первых, мы видим, что массы получили право голосовать на демократических выборах, то есть оказалось, что эти голоса что-то значат и за них надо бороться. А во-вторых, массы заявили о том, что если у них ничего нет, то они способны сами взять в руки оружие, чтобы скинуть правящие классы, как это произошло в 1917 году в России.

А значит, за эти массы, за их поддержку теперь нужно бороться. Как бороться? Прежде всего путем популистской демагогии, через создание сети организаций и включение масс в орбиту своего влияния. Как это можно сделать? Показав людям некий свет в конце

Фашистские диктаторы Португалии и Испании Антониу ди Салазар и Франсиско Франко

Факельное шествие нацистов через Бранденбургские ворота в день назначения Адольфа Гитлера на пост рейхсканцлера Германии. Берлин, 30 января 1933 года

туннеля: в одном случае это величие нации, в другом – мировой коммунизм. Борьба за массы, за этот новый субъект исторического развития и определила смертельное противостояние фашизма и коммунизма.

Европейский мейнстрим

– Можно ли считать не гитлеровский вариант фашизма одним из мейнстримов Европы, который с точки зрения политической культуры того времени в принципе укладывался в существующие правила поведения?

– Думаю, да. Возьмите, например, Португалию и Испанию. Там фашистские режимы довольно долго держались у власти – и режим Антониу ди Салазара, и режим Франсиско Франко. То же самое можно сказать и про Италию.

Сошлюсь на мнение подавляющего большинства моих коллег из Италии, с которыми общаюсь. Они все практи-

чески в один голос говорят, что если бы Муссолини остался в стороне от Германии, если бы он не примкнул в 1937-м к Гитлеру, то его режим продержался бы еще долгие годы.

В Италии до сих пор приходится слышать, что при Муссолини можно было жить нормально: он строил дороги, выращивал хлеб, осушал болота, строил верфи и заводы. Словом, он модернизировал страну. Ведь Италия, хотим мы в это верить или нет, в период фашизма трансформировалась из аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную. Это было при Муссолини, и это ему и сегодня ставят в заслугу.

Конечно, режим был тоталитарный, то есть всепроникающий. Человек не мог свободно дышать, свободно говорить, свободы были задушены, оппозиция подавлена. Основными формами репрессий в отношении антифашистов стали тюремное заключение, высылка

из страны и административный надзор. Но при этом в середине 1930-х годов существовал общественный консенсус, не было массовых репрессий. Мало кто знает: фашистский трибунал в Италии за весь период своего существования – почти за 20 лет – всего девять человек осудил на смертную казнь.

Подавляющее большинство поддерживало режим Муссолини или, по крайней мере, не выступало против. Люди приспособились к новой форме существования. Она их устраивала, потому что пока не «трогала за живое» и они видели прогресс, по пути которого шла страна, превращаясь в индустриально-аграрную. И если бы, как полагают многие мои коллеги, Муссолини не связался с Гитлером, не ошибся в этом «вальсе» с великими державами, если бы он остановился на уровне неучастия в военном конфликте, судьба итальянского фашизма могла бы быть иной.

Другое дело, был ли у него шанс поступить иначе? Уверен, что начиная с 1937 года такого шанса уже не было. С этого момента он уже не мог свернуть с рельсов, которые вели его к войне.

Дуче был ослеплен мощью Германии! Многие его приближенные писали о том, что он с каждым годом становился все более оторванным от реальности. Начальник Генштаба маршал Пьетро Бадольо говорил ему: надо держаться в стороне. Но у Муссолини была идея «параллельной войны»: Гитлер забирает Центральную и Западную Европу, а на юге Европы делает то же самое Муссолини – имелись в виду Средиземноморье и Адриатика. Ему мало было Эфиопии. Имперские амбиции толкали дуче дальше. Он хотел отхватить свой кусок пирога. Националистическая идеология и желание постоянно подтверждать собственное величие и величие нации ставили его на путь территориальных захватов, что в конечном счете и привело Италию к национальной катастрофе...

– Мог ли он, «вальсируя», примкнуть и к другой стороне?

– Поначалу шанс, наверно, был. В Европе к Муссолини на заре его политической карьеры относились неплохо. Уинстон Черчилль даже называл его «гением латинской расы». С ним разговаривали, его принимали. Он делал попытки договориться и с Францией, и с Великобританией. Дуче понимал, что у Германии нет таких рычагов влияния в Средиземноморье, как у Франции и Англии, и что с ними нужно пытаться договориться. Но, согласно его представлениям, идущим еще от националистов предыдущей поры, Средиземное море – это якобы «итальянское озеро». Отсюда – захват Эфиопии и движение дальше, в Северную Африку.

Да, после захвата Эфиопии к Италии применили санкции. И что? Практически никаких существенных последствий эти санкции Лиги Наций не имели. Снизились поставки в Италию промышленного сырья, горюче-смазочных материалов, из-за этого сокра-

тилось производство. Конечно, это ударило по экономике. Но не до такой степени, чтобы в корне подорвать ее или сильно повлиять на жизнь страны.

До 1937 года дуче лавировал. У него были опасения по поводу перспектив союза с Гитлером – это прослеживается

ли Италию. Она была не самой мощной, но довольно сильной в военном отношении державой. Ее флот уступал флотам Великобритании и Франции, но все равно имел большое значение, как и многочисленная, хотя и не самая боеспособная армия.

Гитлер действовал авантюрно. Он понимал, что люди, стоявшие в тот момент во главе западных демократий, просто не способны оказать ему действительное сопротивление

и в документах, и в разговорах фашистских иерархов. Однако потом он не раз говорил, что теперь выбора уже никакого нет, потому что, по его словам, «если я сейчас не буду с Германией, то Германия нас сметет».

– Это была реалистическая оценка угрозы?

– Вполне вероятно. Вспомним, как только Муссолини был свергнут в 1943 году, немцы тут же оккупирова-

«Решающий вес»

– Но испанский диктатор Франко удержался от вступления в войну и в итоге досидел у власти до 1975 года, до самой смерти...

– Все-таки не будем забывать о территориальной близости Италии к Германии. Испания была далеко, а Италия – у Гитлера под боком...

Понимаете, Италия никогда не была в числе великих держав, поэтому в ее внешней политике с момента объединения (то есть примерно со второй половины XIX века) доминировал принцип, который сами итальянцы называли *peso determinante* – «решающий вес».

– Что это значит?

– Италия себя рассматривала как страну, которая живет среди более мощных государств, постоянно конкурирующих между собой. В этих условиях она предпочитала вступить в союз с какой-то или какими-то из них с тем, чтобы это стало «решающим весом», перевешивающим чашу. Результатом такой политики должна была стать ситуация, когда Италия оказывалась бы в конце концов в стане победителей.

Характер вступления Италии и в Первую, и во Вторую мировую войну был обусловлен именно этим. Ведь мы знаем, что Италия, будучи членом Тройственного союза, в итоге выступила на

Итальянский агитационный плакат 1935 года

стороне Антанты. То же самое можно сказать и применительно ко Второй мировой. Ведь Муссолини далеко не сразу выбрал курс на союз с гитлеровской Германией. Дуче долго колебался и оценивал ситуацию в мире, и прежде всего в Европе, пытаясь определить будущего победителя.

Есть и другое определение политики лавирования между великими державами: иногда, как мы уже упоминали, такую политику называют «вальсирующей». Так вот, Италия пыталась вальсировать то с одним, то с другим партнером в надежде выйти – вместе со своим избранником или избранницами – победительницей.

– Часто можно столкнуться с мнением, что оба режима – фашистский в Италии и нацистский в Германии – были очень близки идеологически и по этой причине просто обречены на геополитический союз...

– Это весьма устойчивое, но требующее уточнения суждение. Изначально Италия не была обречена на то, чтобы стать союзницей Германии. Действительно, после Первой мировой войны в итальянском обществе доминировало представление о том, что Италия обделена плодами победы. Это было представление основной массы населения. В этом смысле реваншизм стал благодатной почвой, на которой взросли семена национализма, обильно посеянные дуче, хотя не только им. Ведь к тому времени итальянский национализм уже имел глубокую историю и определенные представления о том, какой должна быть роль Италии в мире, оказались довольно широко распространены.

С одной стороны, национализм был идеологией части элиты, но с другой – в довольно примитивной форме он распространялся и среди обширных народных масс. Суть этих представлений сводилась к тому, что Италия в древности являлась в самом деле мощной державой. Достаточно посмотреть на карту, чтобы увидеть, какую территорию она занимала, когда Рим господствовал в мире. Отсюда – неизбежный

Узники Бухенвальда

вопрос: почему теперь она находится в таком плачевном положении? Широкие круги населения задавали себе этот вопрос. И дуче, как чрезвычайно талантливый журналист, был способен в простой, доступной, понятной каждому человеку форме сформулировать то, что сам человек переживал. Муссолини сумел сыграть на струнах национализма, апеллируя к национальной неудовлетворенности, к ущемленному чувству национального достоинства.

– Насколько он был искренен в этом?

– Я не берусь судить, насколько он сам верил в то, что пропагандировал. На мой взгляд, Муссолини – человек, который в принципе не имел глубоких убеждений. Он всегда жонглировал идеями и мыслями так, как ему хотелось, как ему нравилось, всегда приспособливал идеи к конкретной ситуации. Однако я считаю, что окончательный выбор в пользу союза с Германией Муссолини сделал только в 1937 году.

Во власти «сексуального дегенерата»

– Почему именно в 1937-м и почему неправы те, кто уверен, что этому союзу не было альтернатив?

– Причин несколько. Прежде всего нужно сказать, что в представлении дуче Гитлер долгие годы был малозаметным баварским шовинистом. Известно, что в 1920-х, после провала «Пивного путча», когда Гитлер писал свою книгу «Майн кампф», сидя в тюрьме, он отправлял письма Муссолини с просьбой прислать ему фото на память. И Муссолини каждый раз ему отказывал. Отказывал, потому что он к тому времени был уже фактически во главе правительства, он – «светоч и гений» фашизма, дуче, вождь, человек, создавший новую социальную теорию и реализовавший ее на практике. А тут какой-то малоизвестный баварский шовинист с сумасбродными идеями.

Муссолини относился к Гитлеру с презрением, но позже и с большой завистью. Когда они впервые встретились

ВИКРЕДИЯ.ОРГ

под Венецией в 1934 году, дуче в кругу своих соратников называл Гитлера сумасшедшим. Еще бы, тот два часа подряд пересказывал ему «Майн кампф»! Есть документальные подтверждения, что он называл его «сексуальным дегенератом» и «несостоявшимся живописцем». Это мы находим и в дневниках зятя Муссолини Галеаццо Чиано, который фиксировал свои разговоры с дуче, и в записях Кларетты Петаччи, любовницы Муссолини, – обоим мемуаристам не было необходимости что-либо извращать.

И вот при таком отношении к Гитлеру в какой-то момент оказалось, что этому человеку волею судьбы подчинена вся Германия – с ее экономической мощью, огромным военным потенциалом и немцами, которые дисциплинированы и могут хорошо сражаться. А у него – Муссолини – слабозвонитая Италия плюс под ружьем итальянцы, которых надо пинками гнать в бой, которые не хотят воевать и готовы только пить кофе и есть спагетти.

У дуче было глубочайшее презрение к народу, который не желает воевать за великие цели, и одновременно чувство глубокой исторической несправедливости. Именно несправедливости, потому что этому «дегенерату» Гитлеру дано все, а ему – Муссолини, подлинному «пророку фашистской религии», – уготована такая неподходящая страна.

– Что произошло в 1937 году?

– Муссолини поехал в Германию по приглашению Гитлера, и фюрер устроил ему фантастический прием. На стадионе, несмотря на дождь, для встречи дуче собралась миллионная толпа. Два поезда, на которых Гитлер и Муссолини ехали из Мюнхена, двигались параллельно друг другу, и вдоль всего полотна стояли эсэсовцы.

Дуче показали цейхгаузы, оружейные заводы, немецкие корабли, танки и самолеты – он имел возможность убедиться в германской мощи. И, как писали люди из его ближайшего окружения, Муссолини был до предела ажиотирован. Он решил, что Германия – это сила, которая победит. Именно тогда, по моему представлению, им был сделан окончательный выбор в пользу союза с Гитлером. Таким образом, «вальсирование», традиционно присущее итальянской внешней политике, в этот момент привело Италию в объятия нацистской Германии...

Вспомните историю, когда в 1934 году Гитлер попытался захватить Австрию. Что сделал дуче? Он подтянул две дивизии к перевалу Бреннер и тем самым, по сути дела, встал на страже независимости Австрии. Тогда Гитлер вынужден был отступить. Правда, это был Гитлер образца 1934 года – всего лишь год прошел с момента его прихода к власти. Спустя четыре года, в 1938-м, он добился своего, осуществив аншлюс Австрии. Но когда это произошло, Мус-

солини был крайне унижен и несколько дней вообще не появлялся на публике, отсиживаясь у себя в имении...

– В сентябре 1938 года Гитлер позвал его в Мюнхен уже как полноценного игрока?

– Его позвали только потому, что Гитлер уже знал, что победил. Однако ему нужен был союзник для «красивой» дипломатической развязки. И дуче был безумно рад этому, поскольку ему вдруг выпала честь стать медиатором такого крупного международного события.

Меж тем гитлеровские генералы отговаривали своего фюрера от затеи по захвату Судетской области. Они считали, что, если будет задействован механизм коллективной обороны (то есть если как минимум Чехословакия и Франция объединят усилия), Германия не сможет победить в войне. Но Гитлер действовал авантюрно. Он понимал, что люди, стоявшие в тот момент во главе западных демократий, просто не способны оказать ему действенное сопротивление.

И хотя впоследствии и французы, и англичане трактовали Мюнхенский договор как победу, как спасение мира, это был прямой путь к войне. Потому что легкая победа разжигала аппетит Гитлера, а каждый день отсрочки давал

Германии возможность наращивать свою мощь. Присоединяя Судетскую область, Гитлер получал не только территорию, но и материальные ресурсы: топливо, полезные ископаемые, промышленные предприятия...

Это было продолжение четкой линии, которую выстраивал фюрер, – курса на объединение германской нации, изначально провозглашенного им в «Майн кампф». Ведь там у него были две ключевые идсы: объединить всех немцев в новом рейхе и уничтожить евреев. Ничего другого вы в «Майн кампф» не найдете – только величие некой нордической расы и тотальное уничтожение мирового еврейства. III

